

**ВЕРХОТУРСКИЙ ВОЕВОДА
КНЯЗЬ Д.П. ПОЖАРСКИЙ – ЛОПАТА (1625 – 1627 ГГ.)**

«Священные имена их не исчезнут в океане вечности... Они всегда будут воспламенять любовь к Родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь! – писал В.Г. Белинский о памятнике Кузьме Минину и Дмитрию Михайловичу Пожарскому в Москве. Этот памятник знает, наверное, каждый россиянин с детских лет, он возникает в памяти каждый раз при имени Пожарского. Но ведь род Пожарских древний. Он оставил свой след в русской истории. Одним из забытых ныне представителей этого славного рода был князь Д.П. Пожарский – Лопата.

Пожарские – древний княжеский род, Рюриковичи. В XIII веке князь Иван Всеволодович, правнук Владимира Мономаха, получил прозвище Стародубского, по названию родовой вотчины –города Стародуба – Суздальского. Позже, через пять поколений, начиная с князя Василия Андреевича, Стародубские стали называться Пожарскими, по имени унаследованного ими городка в Суздальском княжестве. Прежде этот городок назывался Радогость. Но после того, как во время татарского нашествия он был опустошен пожаром, восстановленный городок стал называться «Погар», или «Пожар». Родоначальники фамилии Пожарских – князь Василий Андреевич сражался на Куликовском поле под знаменами Дмитрия Донского.

Князья Стародубские – Пожарские стойко охраняли русские рубежи от нашествий кочевников, рубились с «псами –рыцарями». К XVI в. род Пожарских обеднел, спустился с вершин московской знати, утратил былое значение, несмотря на свое древнее происхождение. Разделы родовых владений, переход земель в собственность монастырей за долги или по дарственным завещаниям на «помин умерших», а так же отчуждение вотчинных сел и деревень в «опричнину» при Иване Грозном – все это подрывало имущественное положение Пожарских. В результате этого Пожарские во второй половине XVI века превратились в сравнительно мелких землевладельцев. Вместе с тем они постепенно переставали играть видную роль в государственной жизни, не занимали важных должностей при царском дворе.

Князь Пожарский – Лопата Дмитрий Петрович являлся сыном князя Петра Тимофеевича Пожарского –Щепы. Как и его родственник (правнучатый брат) «спаситель Отечества» князь Д.М. Пожарский , Дмитрий Петрович активный участник событий «смутного времени».

В октябре 1611 – марте 1612 гг. земский староста Кузьма Минин и князь Дмитрий Михайлович Пожарский формируют в Нижнем Новгороде общерусское народное ополчение для освобождения Москвы и Русского государства от польско – литовских и шведских интервентов.

Один из участников, закончившегося неудачей в 1611 г. похода I народного ополчения на Москву, атаман Заруцкий, опасался возрастающего влияния Минина и Пожарского. Заруцкий выступил против народного ополчения. «По приказу Заруцкого, его казаки заняли Ярославль, а вслед за ними туда же направился из Владимира большой отряд атамана Андрея Просовецкого. Весть об этом встревожила Минина и Пожарского. Захват Ярославля противником не только отрезал ополчение от богатого, еще не опустошенного войной севера, но и преграждал путь на Москву. Сначала предполагали идти из Нижнего Новгорода к Москве по кратчайшей,

суздальской дороге. Но затем перерешили, так как эта дорога пролежала через разоренную, оскудевшую область. Признали более удобным и выгодным идти в обход этих опустошенных мест, через Кострому и Ярославль, оставляя за собой в тылу богатый, а главное – надежный север.

Кормить ополченцев по волжской дороге будет легче, чем по опустошенной суздальской дороге, – советовал Минин. – Голод для войска страшнее любого врага. Дорога через Ярославль самая надежная... При этом было решено сделать остановку в Ярославле для пополнения и укрепления ополчения, с тем, чтобы подойти к Москве с большой ратью и наверняка разгромить захватчиков. И вот теперь Заруцкий, захватив Ярославль, нарушал планы народного ополчения.

Медлить было нельзя. Снарядили большой отряд ополченцев, а во главе его поставили Дмитрия Лопату – Пожарского, опытного и надежного военачальника. Лопата – Пожарский оправдал доверие, опередив Просовецкого, он вступил в Ярославль, разоружил казаков Заруцкого и посадил их в тюрьму. Просовецкий же, узнав, что Ярославль уже в руках ополченцев, повернул обратно. Весть о победе Лопаты Пожарского обрадовала нижегородцев. Путь на Москву был очищен, и теперь можно было выступать всему народному ополчению.»*

Пожарский – Лопата был послан на Пошехонье, где тоже побил и взял в плен много казаков, а оттуда отправился в Кашин, в погоню за предводителем казаков Толстым, бежавшим к князю Д.М. Черкасскому. В июле 1612 г. « при походе князя Д.М. Пожарского под Москву, для освобождения ее от поляков, передовым отрядом начальствовал князь Д.П. Лопата. Опасаясь пагубного влияния на этот отряд своевольных казаков, не признававших никакой дисциплины, князь Д.М. Пожарский велел князю Лопате стать у Тверских ворот и, не соединяясь с московским ополчением, действовать самостоятельно. Заруцкий недоброжелательно отнесся к шедшему из Ярославля ополчению и послал казаков перенять дорогу князю Лопате, с приказанием постараться умертвить его; замысел этот, однако, не удался, - и казаки были обращены в бегство.» 2 августа передовой отряд ополчения – семьсот всадников под командованием Пожарского – Лопаты подошел к Москве и расположился у Тверских ворот.

На помощь осажденным в Москве полякам шли войска гетмана Хоткевича. 22 – 24 августа между отрядами Хоткевича и народного ополчения шли ожесточенные бои. «Рознь, существовавшая между главными предводителями земского ополчения, могла иметь губительные последствия, так как поляки одерживали верх над русскими, а казаки князя Трубецкого не хотели помогать князю Пожарскому. 24 августа 1612 г. князь Д.М. Пожарский был весьма в затруднительном положении и послал князя Д.П. Лопату к Авраамии Палицыну (келарь Троице – Сергиева монастыря, автор «Сказания об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и от Литвы») служившему в то время у Ильи Обыденного, с просьбой подействовать на казаков.»*.

Вступившие в бой в решающий момент казаки Трубецкого во многом определили исход сражения. Хоткевич с остатками войск бежал. 26 октября польский гарнизон в кремле капитулировал. 1 ноября под звон колоколов, отряды народного ополчения вступили в Кремль.

В 1614 г. князь Д.П. Лопата, будучи воеводой в Самаре, отправил два стрелецких приказа под Астрахань, на помощь терским и астраханским служилым людям, против Заруцкого. Прежние самарские воеводы собирали в казну по 500 руб. в год, а князь Лопата собрал 12 тыс. руб. Во время его воеводства в Самаре, у него, как видно из его челобитной царю Михаилу

Федоровичу безвинно отняли его вотчину с. Козарь, в Рязанском уезде, пожалованную ему «за его службишку, и за кровь, и за Московское очещение».

На русской земле остались многочисленные разбойные отряды поляков, наемников, казаков. Они продолжали грабить и убивать. Особенно зверствовал отряд польского пана Лисовского. За тяжкие преступления его когда-то приговорили в Польше к смертной казни. Под его командой собралось около двух тысяч головорезов.

В 1615 г., в то время, как князь Д.М. Пожарский сражался с Лисовским, некоторые воеводы покинули города, а ратные люди разбежались. Когда Лисовский сжег Перемышль и находился между Вязьмой и Можайском, а князь Д.М. Пожарский занемог, против Лисовского был послан князь Лопата; не дойдя до Вязьмы, он, однако, воротился и стал на р. Угре. Царь Михаил Федорович велел ему идти в Можайск, но Лопата писал царю, что «ратные люди со службы разбежались, а которые и есть, и те бедны», и не пошел в Можайск, несмотря на государев указ. Царь Михаил Федорович послал казакам денежное жалованье, а князя Лопату велел посадить в тюрьму в Можайск, а потом быть на службе. В 1616 г. князь Лопата отправлен царем в Суздаль против «воров», боярских холопов и всяких безымянных людей, которые называются казаками, жгут села и деревни, побивают до смерти и грабят, крестьян пытаются, доведываясь, где их пожитки, и хотят идти по городам. Вероятно царь остался доволен тем, как князь Лопата исполнил поручение, потому что вскоре после того послал его оборонять Тверь от воровских людей. По дороге к Клину и в самой Твери князь Лопата выдержал осаду от поляков и остался победителем. В 1618 – 1620 г. князь Лопата был воеводой в Твери. В челобитной, поданной в 1625 г. о награждении его «за Тверское осадное сиденье и за службу и за промысел» поверстаньем из поместья в вотчину, сказано, что во время воеводства в Твери, он доставил казне 1200 руб. дохода в год, тогда как до него собирали лишь 200 руб.; кроме того, он укрепил город, сделав новые башни и тайник и построив мосты; выкопал в городе колодец, прибавил «наряд», т.е. слил новые пищали, а на соборную церковь слил колокол благовестный в 200 пудов и сделал боевые часы. В 1619 г. князь Лопата получил от царя похвальную грамоту за ловко устроенный размен пленных между ним и польским полковником Казановским. В 1620 г. он – воевода в сторожевом полку на Крапивне, а в 1621 г. отпущен к Москве. В 1623 г. будучи воеводой на Двине, получил от царя грамоты о непритеснении игумена и братии Двинского Архангельского монастыря и о дозволении голландцу Демулину покупать у крестьян смолу на канатное дело, в чем мешали ему в Холмогорах сам князь Лопата и дьяк Сомов. В 1624 г., марта 20, воеводы были у государя «у руки», а князь Лопата не был, «сказался болен, убила его лошадь»; и он за болезнью отставлен и назначение на службу в Тулу отменено.

В 1625 г. в апреле Д.П. Пожарский – Лопата и И.О. Уваров сменили на воеводстве на Верхотурье Н.И. Бярятинского и М.С. Языкова. Вновь назначенные воеводы приняли печать, острожные ключи, а также провели осмотр дел в съезжей избе и остроге, и наряда, о чем составлена в Москву отписка: «... на Верхотурье...остроге и башнях наряду никакого нет... а острог...весь сгнил...»

В августе 1625 г. из Москвы от царя Михаила Федоровича на Верхотурье направлена грамота воеводам о высылке по зимнему пути наряда, зелья и свинца, о заготовке леса для острога и об устройстве его «на весну б однолично велели на Верхотурье... острог и башни делати...»

«Острог Пожарского», простоявший с 1626 по 1642 г., состоял из 4 – 5 башен разной конструкции, между которыми заключены 5 прясел острожной стены с проезжими воротами.. Полученные по зимнему пути оружие и боеприпасы позволяли усилить боеспособность верхотурского гарнизона, в котором в 1624 г. на 40 стрельцов приходилось всего 16 стволов огнестрельного оружия. Как человек с боевым опытом воевода Дмитрий Петрович уделял военным делам особое внимание. Время было неспокойное, доносили о волнениях калмыков. Выполняя царский указ, Пожарский занимается устройством острогов на реках Нейве и Тагиле.

Что представляли собой город и уезд к началу воеводства князя Пожарского –Лопаты. К 1625 г. в Верхотурском уезде у русского населения было 2 слободы, 149 деревень, 3 заимки, 291 двор с 490 жителями мужского пола – дворовладельцами.

Сельское население уезда за первую четверть XVII в. настолько освоило новые плодородные земли, что некоторые поморские купцы вместо того, чтобы везти хлеб из Европейской России, закупали его в Верхотурском уезде. Это вызывало беспокойство местных и центральных властей, поскольку это вело к дороговизне хлеба в Сибири. В то же время правительство очень заинтересовалось возможностью проводить казенные закупки на месте: « Да и про то б расспросили всяких людей можно ли на Верхотурье хлебных запасов купить Сибирских городов служилым людям...»

Население Верхотурья к 1625 г. составляло 35,5% от всей численности населения уезда – около 446 чел., а его прирост за три года составил примерно 34 чел. Реально в городе проживало несколько больше людей. Посадские поморских городов, привозившие «сошные запасы», плотники, строившие суда для отправки хлеба и других товаров в Сибирь, ссыльные, гулящие люди и пр. составляли иногда солидную часть общего числа жителей.

В Верхотурье проживало 128 чел. посадских обоого пола, что составляло 28,7% от всего населения города, Низкий процент собственно городского (торгово-ремесленного) населения вообще характерен для российских городов XVII столетия, но было бы ошибкой считать уровень экономического развития Верхотурья низким. Необходимо учесть, что торгово-промышленной деятельностью в городе занимались не только посадские, но также и служилые люди, так в 1624 г. двое верхотурских стрельцов были «серебренниками», один – портным мастером, один владел лавкой на посаде, а другой амбаром. Кроме того, в Верхотурье проживали казенные ремесленники, которые находились на положении служилых людей по прибору, Особо необходимо выделить верхотурских ямщиков, которые совмещали государеву службу по доставке «сибирских отпусков» из Европейской России со скупкой в округе хлеба, мехов и др. и перепродажей этого на рынке Верхотурья.

К 1625 г. в городе насчитывалось 18 лавок. Первый в Сибири кабак дал в 1624 г. прибыли в казну в размере 1357 руб. 35 коп. 24,5% всего бюджета Верхотурья (664 руб.) составили таможенные поступления. К 1625 г. город стал первым и на долгое время единственным уездным центром в Сибири перешедшим на самообеспечение, в то время как большинство остальных сибирских городов имели дефицитный бюджет на всем протяжении столетия. Общий объем «бранья», т.е. сумма «окладных» (планирующихся в городской смете) и «неокладных» (случайных, разовых) доходов, составил в 1624 г. – 2.704 руб. Верхотурские доходы уступали только «бранью» главного города разряда Тобольска – 4.997 руб. в том же

году. На протяжении всего XVII в. местный денежный доход Верхотурия был одним из самых высоких в Сибири, наряду с Тобольским и Томским.

К концу первой четверти XVII в. Верхотурие становится заметным региональным религиозным центром. Кроме Николаевского и Покровского монастырей в уезде существовали ещё и Тагильский Преображенский, Невьянский Богоявленский и филиал Архангельского Устюжского монастыря. Монастырская братия обращалась к царю с жалобой на притеснения верхотурских воевод, которые запрещали желающим делать земельные вклады в монастырь. В 1622 г. Михаил Федорович разрешил делать земельные вклады, но воеводы продолжали, что называется, отслеживать ситуацию. В отписке воевод Д.П. Пожарского – Лопаты и И.А. Уварова от 31 октября 1625 г. сообщается о способах приобретения земель Николаевским монастырем: «А у иных де у служилых и у посадских людей и у пашенных крестьян и у ямских охотников пашенных земель и сенных покосов занято много, не одни займки. И те де свои лишние земли продают и закладывают, а иные де дают за вклад по душам в монастырь».

Сылвенские и иренские остоки и татары жаловались в Москву, что платить ясак в Верхотурие им далеко и в 1626 году Пожарский – Лопата получил грамоту, разрешающую данным ясачным платить в Пермь Великую. В другой грамоте предписывалось князю Лопате велеть торговцам по прежнему ездить в Лозьвинскую, Сосьвинскую и Вагранскую волости для продажи хлеба и сукон вогуличам.

В 1626 г. в Верхотурие открылась новая лавка чердынского торгового человека О.Квечимова и лавочный «пристен» Г.Смикиткина. Старый гостиниц двор с четырьмя горницами для купцов и амбарами уже не соответствовали потребностям, встал вопрос о строительстве нового.

Во время своего воеводства в Верхотурие, князь Пожарский – Лопата подал царю челобитную, с прописанием всей своей службы и с просьбой наградить вотчиной соответственно с «московскими осадными сидельцами». Лишь три года спустя, в 1628 г., он получил из поместья в вотчину «по уложению» со своего оклада в 1000 чети, по 20 чети со 100 чети. В 1627 г. князь Лопата был приставом у послов турецкого султана, встречал и провожал их по Переяславльской дороге, за Сретенскими воротами. В 1627 – 1628 гг. восемь раз был у государева стола и один раз у стола патриарха Филарета Никитича; в 1628 г. сопровождал царя к Троице и был у государева стола на пути туда в с. Воздвиженском, а на возвратном пути в с. Тонинском. В том же году воевода в Порхове, а в 1628 – 1630 гг. – воевода во Пскове. Будучи обвинен вместе с товарищем своим князем Даниилом Гагариным в разных злоупотреблениях власти, он подвергся в 1631 г. следствию, которое продолжалось восемь месяцев. Следователями назначены были новые псковские воеводы: князь Никита Михайлович Мецецкий и Пимен Матвеевич Юшков, а для делопроизводства состоял при них дьяк Евстафий Кувшинов. Во все время следствия собирали для показаний в съезжую избу городских и пригородных жителей всех сословий, духовенство, служилых людей, посадских и крестьян. Неизвестно, как было решено это дело, но надо полагать, что оно окончилось благополучно для князя Лопаты, потому что в том же 1631 г. он был при приеме шведского посла в Грановитой палате, а в 1632 и 1633 гг., в день Светлого Христова Воскресения, находился в числе дворян, которым царь велел свои государские очи видеть «в комнате». В 1634 г. он дневал и ночевал на государеве дворе во время похода царя на богомолье в подмосковный Николо – Угрешский монастырь. В том же году князь Лопата вместе с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским (они были

правнучатые братья) подал царю челобитную о плохом поведении племянника их князя Ф.И. Пожарского в Можайске, пропившего и размотавшего все поместье. Они писали, между прочим, в челобитной: «Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начало в монастырь, чтобы нам от его воровства впредь от тебя в опале не быть». В 1637 г. князь Пожарский сделал значительный вклад в Суздальский Спасо – Евфимьев монастырь, пожаловав ему свою купленную вотчину в Тверском уезде, в Пешком и в Кушалинском станах, село Кушалино со всеми угодьями. Князь Лопата – Пожарский местничался с князем М.В. Прозоровским и с князьями Ромодановскими.

Примечание:

1. Русский биографический словарь (Плавильщик – Примо) издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова г. Санкт – Петербург. Типография И.Н. Скороходова, 1905г. Репринтное воспроизведение, Аспект Пресс, М., 1999 г.
  2. Березов П. Минин и Пожарский. Московский рабочий, 1957 г.
  3. Верхотурские воеводы. Верхотурская старина, 1998 г.
  4. Корчагин П.А. История Верхотурья (1538 -1926). Издательство Банк культурной информации, Екатеринбург, 2001 г.
- Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках сов

А.М. Олешкова
Нижний Тагил

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.: ПРИЧИНЫ ВСТУПЛЕНИЯ В ОБЩИНЫ

Несмотря на актуальность исследования различных аспектов института благотворительности, история организации и деятельности российских общин сестер милосердия остается малоизученной областью исторического знания, как на общероссийском, так и региональном уровнях. Из дореволюционных работ можно отметить исследование П. А. Илинского, в котором подробно классифицируются общины. Среди современных исследований особенно важны обобщающие работы А.В. Постернака и Л.А. Карпычевой, обращение к истории московских общин Козловцевой Е. Н. [1].

Самое наименование «сестра милосердия» отсылает нас к дискуссии о монашеском характере российских общин сестер милосердия, ярко выраженном их религиозном духе и других аспектах института сестричества [2]. Первые российские общины сестер милосердия использовали торжественные обряды посвящения сердобольных вдов [3], «Обещаю... что, доколе сил моих достанет, употреблять буду все попечения и труды на богоугодное служение болящим» [4]. Сравнивая такую «бессрочность» обещания с пожизненными монашескими обетами, вполне справедливо считать первое «гражданской служебной присягой» [5]. Однако общины, возникающие при Российском обществе Красного Креста (РОКК), уже не давали вообще никаких торжественных обещаний.

В Пермской губернии было 4 отделения: Пермское и Кунгурское местное управление Красного Креста, Екатеринбургский и Нижнетагильский местные комитеты. При комитетах действовали общины сестер милосердия, наиболее известными из которых были Надеждинская и Екатеринбургская [6].

Сестра милосердия должна были отличаться «набожностью, милосердием, целомудрием, опрятностью, скромностью, добротой, терпением и безусловным повиновением постановлениям» [7] Однако речь